

Эпикомьтесь!
АВТОР АЛЬМАНАХА
„СТАВРОПОЛЬЕ“

АНАТОЛИЙ СУХАНОВ

ШТОРМ

Рассказ

— Безобразие! Не могут даже причал привести в порядок! Одна доска настила приподнята, и отец споткнулся.

— А говорили, что здесь свободно.— На лбу и под глазами у матери капельки пота. Жарко.

— Это тебе надо сказать спасибо и твоему парикмахеру! — нервничает отец. Ему тоже жарко.

— Но я же не виновата, что к нему была такая очередь.

— Можно было пойти после пляжа.

— После пляжа я еле тащу ноги. И притом он назначил мне очередь на утро.

— На пляже не так уж обязательна модная прическа.

— Не могу же я ходить растрепанной!— Мать тоже нервничает.

Пляж забит до отказа. И только в глубине, под самым обрывом, как узкая полоска незагоревшей кожи, спит глаза меловый откос.

Они проходят причал и становятся в очередь за лежаками. Лежаков уже совсем мало, и поэтому все смотрят на потного мужчину в синем халате, который отбирает билетки и выдает лежаки. Все молчат. Только какой-то парень в шортах весело болтает со своей девушкой. Очки он снял, а козырек торчит на голове почти отвесно, взъерошив и без того курчавые волосы.

— Говорят, что американские врачи-психиатры установили: если бы бегемот проехал из конца в конец в нью-йоркской подземке, то умер бы от разрыва сердца. А если бы он постоял в ялтинских

очередях, то начал бы заикаться и прежде чем умереть, заработал бы прогрессивный паралич всех четырех конечностей!

Девушка хохочет.

Наконец отец берет лежаки. У одного сломана планка, но выбирать уже не из чего. Пляж полон. Лежаки стоят впритирку, как паркетные плитки. В щель между ними не пройдет даже лезвие. И только кое-где узкие, как дыры в заборе, проходы к морю, кафе, столовой. И везде очереди. Длинные и неровные, они протянулись через всю асфальтированную площадку в центре пляжа и делят его на какие-то непонятные геометрические фигуры. Стоят за билетами на катер. Стоят за мороженым, за помидорами, очками и еще за чем-то. Они с трудом пробираются вдоль берега, ступая след в след, как будто это топкое болото.

Жара липкой простыней пеленает тело. И солнце тоже липкое, о него можно измазаться. Оно ползет по лбу, по щекам, шее, душно охватывает грудь и спину. Наконец в дальнем углу возле сетки, отделяющей пляж для интуристов, серыми в блестках разводами растеклась галька. Отец решительно направляется туда так, что они с матерью еле поспевают.

— Популярная детская игра «кто вперед»!

Отец шутит, но голос у него усталый. Это особенно заметно, потому что в это время Георг Отс начинает жизнерадостно, на весь пляж: «Когда идешь ты на свидание». Отец раздраженно снимает сорочку: «Его бы

сюда! Надолго бы его хватило!» Вытирает, отдуваясь, лоб и идет купаться. После купания мать посылает его в буфет: из-за парикмахерской она не успела позавтракать.

Он скоро возвращается:

— Есть только сосиски и кофе.

— Сосиски свиные?

— Кажется, свиные.

— Кофе горячий?

— По-моему, горячий.

— «Кажется», «по-моему». Никогда ты ничего толком не знаешь!

— Не все ли равно, какие сосиски или кофе.

— Тебе всегда все равно.

В конце концов мать одевается и идет к столовой. Отец закрывает лицо козырьком и ложится загорать. Лежит неподвижно и не поймешь: просто загорает или уже спит.

— Пап, а пап?.. Ну папа!

— Да?

— Помнишь «Гаманго»? Там негр тоже лежал на солнце, только на палубе. Целый день. И ему не дваали пить. Помнишь?

— Нет, не помню. Не видел.

— Пап, а пап?

— Что?

— А ты хотел бы стать негром?

— Послушай, тебе уже тринадцать, а ты все еще болтаешь всякую чепуху! — Лицо у отца снова сердитое. Он переворачивается на живот и накрывает голову полотенцем. Теперь, наверно, и в самом деле заснет.

Скучно. Поиграть бы в песок, но песка нет. Тоже еще «Золотой пляж»! Он ложится рядом с отцом. Прямо перед его носом большие желтые ступни в толстых мозолистых наплывах. Над ступнями чуть дальше серым холмом возвышается живот, а из-за живота выглядывают горы с лимонно-желтыми склонами. Кое-где в лощинах, как волос из ушей, торчит темная кипарисная зелень. Жарко, и живот время от времени вздыхает, и тогда горы начинают качаться. Он садится спиной к толстяку и горам и смотрит на море. Пригретое солнцем, оно тоже дремлет. И чайки сонно белеют среди легких

серебристых морщинок. И соседи лежат совсем тихо. Потом он слышит где-то рядом голос парня в шортах. Парень держит в руках кисть винограда, и они, по очереди с той девушкой, щиплют ягоды, длинно вытягивая губы.

Пока девушка наклоняется к кисти, парень говорит: «Дышать тут надо по очереди...»

Девушка поднимает голову. Он замолкает и тоже наклоняется. Набил полный рот и жует, не выплевывая косточек. Потом снова: «Если вздохнут все сразу... — Пауза... — затрещат ребра, и кто-нибудь умрет. Снова перерыв... или упадет в воду».

Девушка, наверно, бы засмеялась, но ей жарко, и она только лениво улыбается. Голос парня еще несколько раз пробивается сквозь полуденную духоту, но каждый раз звучит все слабее, слабее и, наконец, совсем замирает.

Хочется пить. Сын уже повернулся к отцу, чтобы попросить мелочь на нарзан, но лицо у отца такое строгое, может, оттого, что закрыты глаза, и он не решается. И притом совсем не хочется стоять в очереди. И так каждый день слышишь: «кто последний? кто крайний? Я за вами, вы за мной!».

— Тьфу! Надоело. Лучше уж напиться из фонтанчика, что возле буфета. Он косится на отца и пробирается к проходу.

Две полные дамы сидят возле душа-распылителя. Растрепанный влажный занавес над ними почти не движется. На головах у них купальные шапочки, словно они собрались в море. Шапочки слишком маленькие и почти не закрывают головы. Зачем только покупали. Когда на лицо им падает капля покрупнее, они вздрагивают и страдальчески кривят губы как будто попали под проливной осенний дождь. Дамы беседуют. Лениво, словно пьют маленькими глотками слишком горячий чай.

— И вообще, Крым — слабое подражание Кавказу.

— Да, нам все говорили, что в Крыму хуже.

— Вы были в Одессе?

Последнее слово дама как-то удивленно растягивает.

— Да, две недели.

— А знаете, что сказал про Одессу один иностранец?— Опять растянутое удивление.

— Нет.

— «Одессу надо мыть два раза в сутки, а одесских женщин кормить раз в сутки!» — Они смеются, потом внимательно оглядывают друг друга и замолкают. Может быть, они обе из Одессы, только вторая не признается?

Возле фонтанчика тоже очередь. Вода теплая, противная, но зато после нее не скоро захочешь пить. Он тяжело переводит дыхание и бредет назад. Те две дамы все еще киснут под душем.

— В морской воде очень много соли.

— Да, ужасно.

— Поэтому организм ослабляется.

— Да, конечно.

— После купания надо обливаться под душем.

— Обязательно.

— Тогда лучше дышит тело.

— И улучшается аппетит.

Он презрительно кривит губы: «аппетит»! Разве так загорись! Очки, наносники! И зачем им море! Сидели бы лучше дома! Взрослые все скучные какие-то. В прошлом году их соседи продавали щенка гончей. Можно было купить. Так нет же, мать начала: «Гончие ужасно нечистоплотные, за ними надо все время убирать». И отец тоже: «С гончими у нас негде охотиться»,— и щенка не купили. И так всегда.

Он и в секции плавания не занимался бы, не уговори отца классный руководитель. А у него и троек нет, и плавает настоящим брассом.

Игорь Михайлович, их тренер, говорит, что с таким брассом годика через два не стыдно будет показаться и на всесоюзных соревнованиях.

Он смотрит на море. А тут и не поплаваешь! Только разгонишься — уже буюк или спасательная шлюпка. А у берега полно людей. Кричат, визжат. В ушах звенит. И почему им разрешают? Если

машина засигналит на улице—штрафуют. Нельзя шуметь. А тут можно. Непонятно. Лучше бы наоборот. Он проплывает три раза до буйка и обратно, потом добирается до сетки, ложится рядом с отцом и смотрит в небо, по которому ползут с запада плоские белые облака. Они вдруг начинают тихонько качаться, то опускаются к земле, то улетают вверх, потом висят уже над самой головой, и ему хочется потрогать их рукою, но руки стали тяжелыми, и он успевает только подумать, что сильный ветер разогнал бы их, и засыпает. Уже сквозь сон он слышит, как пришла мать и говорит что-то отцу и потом снова уходит. Наконец кто-то протяжно и размеренно кричит: «Кукуруза! Кому кукуруза!» И он медленно поднимает веки, после сна еще ленивые и непослушные. Сквозь лежащую толпу осторожно и извилисто идет пожилая женщина в черном платке, под которым видно смуглое запотевшее лицо в морщинистых бороздках. Вокруг нее возникает и постепенно гаснет позади неспешное оживление, как за катером в тихую погоду долго и неясно тянется мраморная дорожка пены. То одна, то другая фигура оживает, тянется к брюкам или сумке, а потом размахивает руками, как потерпевшие кораблекрушение при виде ниточки дыма, за которой потянется через горизонт спасительный корабль.

Опять есть! Можно подумать, что им просто нравится все время что-нибудь покупать, стоять за чем-нибудь и жевать, жевать, как в поезде! Он поворачивается к отцу, чтобы сказать ему об этом, но и отец тоже тербит брюки.

Он тоскливо глядит по сторонам, но смотреть по-прежнему не на что. Тогда он выбирает самые круглые камешки и бросает их в щель между лежаками. Один, гладкий и крупный, в белых прожилках, отскакивает и падает толстяку прямо на живот. Тот приподнимается багровый, потный, перегревшийся, и во рту, и в горле у него уже что-то клокочет, словно ему наступили на живот. Но тут отец произносит строго, насколько это возможно в такой жар:

— Виктор! Перестань бросать

камни!

Потом, показывая толстяку ровный, в мелкой насечке зерен кукурузный початок: «Простите, не пробовали? Совсем молодая».

И толстяк, шумно вздохнув, снова отваливается на лежак.

— Ты знаешь, босоножки,- просто чудные! И сравнительно недорого—35 рублей. Я уже обо всем договорилась. Завтра надо будет зайти,— голос у матери почти счастливый.— Да, говорят, что ожидается шторм 5—6 баллов. Может быть, уедем? — Но море все еще спокойно и жарко, поэтому отец только лениво отмахивается: «Ну, какой тут шторм». И мать успокаивается.

Он поднимает голову: отдельные облака теперь слились вместе и ровным, с оттенком копоти слоем покрыли небо. У него радостно мелькает: «Вот бы шторм!» Чтобы огромные валы «неслись к берегу со скоростью курьерского поезда», как написано у Джека Лондона. И чтобы «оседлать один из них и помчаться к берегу». Вот это была бы жизнь!

Шторм начался внезапно. Кто-то большой и невидимый сильно вдруг дунул на берег, и по пляжу заметались косынки, шляпы, полотенца. Нервно забился на шесте спасательной вышки выгоревший флаг и, не выдержав, сорвался.

Море оживает, пробуждается. Оно уже не гладкое, сияющее. Его поверхность стала острой и угловатой. Далеко вверх забросило оно чаек, и те протяжно и жалобно несут свой крик вдоль берега. Торжествующе гудят горы. Растерянные люди бегут по пляжу, освобождая мокрую от брызг, заблестевшую гальку.

Море волнуется. Громоздко и выпукло ломится оно тускло-зелеными волнами на берег, оставляя на камнях белые перчатки пены. Мышиная возня катеров прекратилась. Не видно ни одного. Только под прикрытием волнолома качается большой спасательный.

Отец оттаскивает вещи подальше от берега, мать ушла переодеваться. Пляж

начинает освобождаться, затихать. Люди карабкаются по лестнице вверх, к дороге, куда должны прийти автобусы.

И тут его захлестывает радостным смятением: «А что если?!» Он даже пугается. Но эта мысль уже захватила его, взволнованным звоном застучала в висках. Ничего страшного. Главное, не растеряться, вовремя нырнуть под первый вал. И не сбить дыхание. Выдох, вдох, и под второй, под третий! И уже в море. А там выбрать волну покрупнее, поотвеснее и набрать скорость. И тогда волна помчит его к берегу. Скорее!

Он бежит по пляжу, и вот уже его маленькая, крепкая фигурка вдруг возникает в кипящей полосе прибоя, где море и суша яростно оспаривают друг у друга пространство. Словно длинное пламя дуги, рожденное электрическими полюсами, рвется неровное пенное полотнище, накрывая его с головой.

Пришел всклокоченный, оскаленный вал и взял его. Насовсем. Нет, передал второму. Тот третьему. С сухим шорохом осыпающегося песка крошится на гребнях пена, и от этого шороха испуганно замирает сердце. Ветер обрушивает на него жесткий груз брызг, заталкивая в рот и в ноздри тугой прозрачный кляп. Главное теперь дыхание: вдо-о-ох! Выдох! Вдо... Тьфу! Вдох. Выдох. Руки вперед. Под себя, вперед. Теперь уже легче. Это уже не волны, а целые холмы. Большие и округлые, почти без пены. Огромными полушариями летят они, как поезда перед крушением, чтобы смять, раздавить. И даже не оставить от него следа. Но каждый раз он легко взлетает на их вершины, ускользая от их многотонной вздыбленной ярости.

Качается вдалеке город. Качаются пляж и горы. Острия кипарисов неровно чертят воздух, который распирает от гула. Восторженно и радостно бьется у него сердце, и в эти минуты он чувствует, пока еще бессознательно, что человек может быть сильнее моря. Он поворачивает к берегу и ждет волну. И вдруг видит совсем рядом спасательный катер. Там размахивают кругом, привязанным к

веревке, и что-то кричат. Но он не слышит их и не хочет слышать, и вновь поворачивает в море. Тогда его догоняют и поднимают на катер. Усатый спасатель сердито берет его за руку: «Ты что, радио не слышал, да? Почему правила нарушаешь, а?»

Он выдергивает руку и тоже сердито кричит: «Не ваше море. Понятно? Не ваше! Спасайте тех, кто тонет!»

Усатый щелкает языком: «Ай-яй-яй, какой нехороший мальчик!» Только он уже не слушает, он молча смотрит на берег, но в глазах у него по-прежнему взорванное штормом море, и там плывет человек, и волны ничего не могут с ним сделать.